

Отзыв

члена диссертационного совета на диссертацию Галины Юрьевны Никипорец-Такигавы на тему: «Интернетизация политического пространства на примере России», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 - политические институты, процессы и технологии.

Реалии информационного века, обуславливающие стремительную перестройку взаимоотношений государства и общества, порождают новую познавательную ситуацию, требующую существенного обновления теоретических моделей, прежде всего, отражающих подвижки в информационно-коммуникативной сфере общества и реконфигурации политической власти как в публичном, так и в латентном пространствах. Усиливает потребность в развитии научно-теоретического аппарата и тот факт, что нынешняя динамика политических явлений и процессов во многих случаях способствует все большему расхождению референций с их категориальным оформлением, лишая, таким образом, эвристической силы многие привычные нам понятия. Не случайно исследователи все чаще используют префикс «пост», свидетельствующей о фиксации еще не укорененных в действительности явлений и демонстрирующих высокий уровень неопределенности. В то же время следует помнить и о том, что решая задачу существенного обновления своего познавательного арсенала, политическая наука отнюдь не застрахована от рисков, когнитивных ловушек и эпистемологических заблуждений.

Другими словами, предпринятые автором аналитические поиски в столь сложной сфере политической жизни полностью укладываются в рамки стратегии «умножения сущностей», отражающей полисубстанциональный характер виртуальных явлений в изменяющейся среде. В этом смысле следует поддержать ее стремление обнаружить новые свойства и диспозиции интернета в политическом пространстве современного общества, сделав при этом основной акцент в исследовании на российской специфике этого процесса (с. 18). Соответствующим образом выстроена и логика работы, подразумевающая решение целого ряда задач, которые по замыслу автора, раскрывают двоякий процесс эволюции интернета – его «интеграцию ... в деятельность других политических институтов» и «превращение интернета в политический институт» за счет выполнения функций, «типичных» для других «политических институтов» (с. 18-19). При этом вся сила авторской аргументации стремится привести читателя к выводу, что интернет

09/2 - 80 от 06.02.2020

представляет собой институт «нового типа по сравнению с традиционными политическими институтами» (с.21).

В ходе достижение поставленной цели и решения соответствующих задач автор стремится не только критически переосмыслить целый ряд базовых подходов и теоретических моделей в области политической коммуникативистики и институционального анализа, но и предложить собственные идеи, раскрывающие современную специфику интернетизации политического пространства современной России. В этом смысле научная новизна диссертации выражается в выявлении атрибутивно-реляционистских свойств и параметров интернета, расширяющего свою информационную экспансию как на институциональный дизайн российского государства, так и на ряд иных – в том числе и ключевых, по мнению автора - сегментов его политического пространства. В этом контексте полученные выводы и обобщения позволяют зафиксировать особенности превращения интернет-коммуникаций в ядерную структуру российской политики, опосредующую деятельность ее ведущих акторов и влияющую на характер организации и отправления политической власти.

Основные материалы и положения данной диссертации позволяют существенно углубить современные представления о месте и роли интернет-коммуникаций в поле российской политики, увидеть перспективы их влияния на важнейшие функции публичных институтов и, следовательно, послужить источником дальнейших исследований в этой области отечественной политологии. С практической точки зрения, значение данной работы состоит в выработке таких выводов и рекомендаций, реализация которых позволит не только оптимизировать функционал публичных институтов в информационном пространстве, но и создать более адекватную базу для координации дискурсивных контактов государства и общества (в том числе власти и оппозиционных структур).

Весьма положительно, что в ходе разработки своего подхода автор обращается к различным теоретическим схемам, прямо и косвенно связанных с характеристикой различных граней политической диспозиции интернет-коммуникаций. На основе комплексного, междисциплинарного и сравнительного подходов автор уделяет особое внимание анализу процессов интернет-мобилизации, интернет-движений, интернет-политики и интернет-лидерства. Заслуживает поддержки и последовательно проводимая в работе линия на постоянное разграничение универсальных и специфических параметров интернетизации в современном российском обществе.

Положительно и то, что при этом автор стремится подкрепить свое исследование характеристикой политики и других важнейших сфер и

проявлений общественной власти. Это придает исследованию дополнительную фундированность и основательность. Безусловно, сильной стороной проведенного исследования являются главы, посвященные содержательному анализу российской специфики интернетизации политического пространства, где автор демонстрирует глубокие и разносторонние знания реальной политики, дает точные оценки разнообразных процессов и явлений, корректно обобщает целый ряд специфических типов и разновидностей политических коммуникаций.

Коротко говоря, представленная работа является самостоятельным, творческим и логически завершенным исследованием, демонстрирующим должный уровень теоретической интерпретации сложных информационно-коммуникативных процессов в поле российской политики. Автор предложила и попыталась обосновать свой оригинальный подход, раскрывающий новые грани политического продвижения интернета, способы его закрепления в рамках институционального дизайна и общей конфигурации российского политического процесса.

Иначе говоря, в целом докторская диссертация вполне состоялась, хотя, как мне представляется, и не избежала ряда сомнительных суждений, которые демонстрируют когда дискуссионный, а когда нерелевантный характер авторских позиций. Другими словами, несмотря на то, что автора стоит поддержать в его стремлении расширить описание и характеристику интернет-технологий и интернет-пространства (связав их с особенностями институционального дизайна в современном российском обществе), все же для подтверждения излагаемой версии следовало бы усилить доказательную базу, предполагающую более аутентичную теоретическую развертку политической динамики интернета.

В частности, с методологической точки зрения стоит подчеркнуть, что институциональный подход обладает актороцентричным характером и служит для объяснения соотношения свободных и нормативно подкрепленных (формальными или неформальными установками), и определенных (ожидаемых) форм активности. В то же время интернет как объект теоретизации (и на макро-, и на мезо-, и на микроуровнях) при любых способах своей интерпретации не утрачивает своей технократической природы, которая в политическом смысле связана либо с инициацией особых типов коммуникаций, либо со специфическими формами публичного дискурса и формированием коммуникативных сообществ. Собственно, в этих измерениях только и возможен релевантный анализ политического позиционирования Интернета и его связей с институциональным дизайном поля политики. И если интернет не попадает в измерения этих диспозиций,

то он и не может быть использован для характеристики паттернов и видов активности (их источников, видов контроля, нормативистики и проч.), инициируемых политическими институтами.

В этом смысле совпадение ряда формальных признаков функционирования интернет-инструментов с политическими институтами (наличие технических норм передачи информации, стратегий и стабильности применения, темпоральных и пространственных характеристик его функционирования и проч.) не способно определить характер и функционально-ролевую нагрузку интернета. При этом тот факт, что содержание виртуального дискурса и использование Интернет-технологий разными акторами (преследующим, подчас, полярно противоположные цели) на многочисленных аренах и площадках публичного дискурса обладает диверсифицированным характером, не позволяет предопределить его однозначное позиционирование в качестве структуры, обладающей набором предметно направленных функционально-ролевых нагрузок. Другими словами, интернет является всего лишь техническим инструментом, сопутствующим при осуществлении определенного типа активности акторов.

Сказанное означает, что через понятие «институт» невозможно «систематизировать функции интернета в политическом пространстве» (с. 96), поскольку эта структура не может использоваться для содержательной характеристики целей и способов взаимодействия акторов, их поведенческих практик. Столь же очевидно и то, что к интернету неприменимо и понятие легитимности. И если государство легализует, организует и лимитирует его использование, то речь идет всего лишь о формах интернет-активности, принципиально отличной от политической легитимации, основанной на тех или иных формах идейно-ценностной и политической солидарности и поддержки.

Другими словами, интернет - это техноструктура, функционирующая безотносительно функционально-ролевых нагрузок и характера деятельности любых – в том числе институциональных - акторов, их политических целей, моральных и административных принципов, лежащих в основании их поведения. И только как служебный инструмент коммуникации он может вписываться в институциональный дизайн. В этом смысле использование интернета как для выполнения политическими институтами своих функций, так и для формирования сетей, исполнения лидерских нагрузок (перечень можно продолжать) представляют собой всего лишь частные примеры поддержки функционирования этих структур и процессов. Все это ставит под сомнение утверждение автора о превращении интернета в «особый политический институт». Представляется, что речь идет скорее о формах и

способах укоренения интернет-коммуникаций в пространстве современной политики, активизирующей особые формы активности и влияющей на характер организации институционального дизайна (нормы централизации и координации власти). Так что, если интернет и «институализируется» то только сугубо формально - в отношении обретения устойчивости своего присутствия в поле политики, все большем распространении технических и ограниченных законом стандартов передачи информации.

Иначе говоря, в пользу авторской позиции говорит лишь тот факт, что интернет расширяет свое – постоянное - присутствие в пространстве политики. Однако обещанное автором «понимание политического института, соответствующее современному уровню развития информационной цивилизации» (с.19) не только оставляет без объяснения его «специфические функции, имеющие отношение именно к политическому пространству» (с.95) (или раскрывающие его роль относительно деятельности неформальных, нелегитимных или действующих вне рамок каких-либо стратегий дефектных и прочих институтов), но и сохраняет вполне тавтологическую форму его определения.

Второй момент, на который хотелось бы обратить внимание, состоит в том, что социопространственный подход неизбежно предполагает установление границ интернетизации, понимания условий лиминальности и сохранения фронтиров этого процесса на различных аренах и площадках политики. В то же время автор не фиксирует в своем исследовании этих параметров (не слишком развернуто комментируя даже соотношение offline online политики), замещая такой анализ рассмотрением отдельных феноменов интернетизации – движений, лидерства и др., что не позволяет в полной мере использовать методологический потенциал декларируемого подхода. Таким образом, трудно согласиться с выводом автора, что в настоящее время «политическое пространство подчиняется интернету и логике интернета» (с.96), поскольку наряду с публичными коммуникациями (в отдельных сегментах которых активно используются механизмы offline политики) существует еще и закрытые зоны принятия решений, основанные на деятельности референтных группировок (где доминируют конфиденциальные переговоры, торг, неформальные взаимодействия и проч.). Да и в целом остается неясность относительно того, как автор трактует интернетизацию политики с offline политикой.

И еще один важный, с нашей точки зрения, аспект: не вполне понятно, о какой «макро теории интернетизации» пишет автор (и как она соотносится с «концептом» и «теорией» интернетизации) и почему в таком случае она критикует теорию медиатизации, учитывая, что интернет-ресурсы сегодня

особенно ярко проявляют свою политическую роль в деятельности новых социальных медиа?

Тем не менее, высказанные суждения носят характер научной дискуссии и сохраняют достоинства работы как научно-исследовательского текста, связанного с теоретико-прикладным изучением политического интернет-пространства. Автор хорошо исследовал возможности продвижения интернета в публичной политике, связав этот процесс с экономическими, социокультурными и иными его проявлениями расширения гиперпространства общественной жизни. Одним словом, читателю представлена творческая, оригинальная и по своему уровню полностью соответствующая требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям работа. Автор системно проанализировал политическое позиционирование интернета, показав его устойчивость и повсеместность использования при исполнении функций официальных органов власти и политической мобилизации (демобилизации) населения.

Сказанное позволяет утверждать, что в целом работа обладает содержанием, соответствующим современным требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее основные выводы и положения обладают существенным теоретическим и должным практическим значением. Эта работа существенно продвигает исследование сложной проблемы в отечественной науке о политике, углубляя представления о политическом содержании и перспективах развития гиперпространственных характеристик общественной власти.

Сказанное позволяет утверждать, что диссертация Никипорец-Такигавы Галины Юрьевны на тему: «Интернетизация политического пространства на примере России» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Никипорец-Такигавы Галина Юрьевна заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02. – политические институты, процессы и технологии. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Подпись А.И. Соловьев

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политического анализа
факультета государственного управления
МГУ имени М.В.Ломоносова

_____ удостоверяю
Зам. декана факультета _____
А.И. Соловьев
_____ А.И.Соловьев

Контактные данные:

Место работы, подразделение и должность: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова», факультет государственного управления, кафедра политического анализа.

Индекс, почтовый адрес места работы: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4.

Рабочий e-mail, рабочий телефон: Solovyev@spa.msu.ru, +7 (495) 939-29-10

Специальность, по которой официальным оппонентом
защита диссертация: 23.00.02 – политические институты и процессы